

ТРАГЕДИЯ 1937—1938 гг. НА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

События «ежовщины», оставившие неизгладимый след в судьбах народа, не обошли новгородскую землю. Однако в обобщающих работах по истории области эти события мимоходом трактуются как «нарушения партийной и советской демократии», происшедшие «в обстановке острой классовой борьбы».¹ Подобные утверждения ничего общего не имеют с реальностью, с проявлениями откровенного, объективно ничем не обусловленного беззакония. Нами предпринимается первая попытка найти подходы к большой и трагической теме, которая еще ждет исследователей и представляет по-прежнему «темную» страницу истории.

Статья основана на массиве неопубликованных документов, хранящихся в Государственном архиве Новгородской области, бывшем партийном архиве Новгородского обкома КПСС в ведомственных архивохранилищах. Используются протоколы заседаний партконференций, пленумов и бюро, общерайонных партийных собраний, на которых детально обсуждалась информация партийных и судебно-следственных органов и принимались постановления об исключении из партии выявленных «врагов народа», инструктивные письма вышестоящих партийных комитетов и ответные обобщенные сведения и докладные, помогающие понять механизм необоснованных репрессий, оперативные сводки и спецсообщения подразделений НКВД. Изучены отдельные дела по обвинению в совершении особо опасных государственных преступлений. Обширный фонд областного суда включает решения его президиума об отмене сотен постановлений особой тройки управления НКВД по Ленинградской области и реабилитации в судебном порядке невинно осужденных. Все документы подлинные, имеют хорошую сохранность.

Как известно, Новгородская губерния еще в 1927 г. вошла в состав обширной Ленинградской области. Близость крупного индустриального и культурного центра оказывала положительное влияние на развитие народного хозяйства, и все же новго-

¹ На земле Новгородской: Очерки по истории Новгородской области. Л., 1970. С. 164; Очерки истории Новгородской организации КПСС. Л., 1983. С. 218—219; Годы борьбы и свершений: Новгородская организация КПСС. 1896—1987 гг. Хроника. Л., 1988. С. 90.

родские районы в основном оставались глубинным сельскохозяйственным регионом области.

Развитие событий в стране, последовавшие после убийства С. М. Кирова, раскрывает далеко идущие планы Сталина, который максимально использовал выстрел в Смольном для уничтожения действительных и мнимых своих противников во имя утверждения личного диктата и режима личной власти. Начавшиеся с декабря 1934 г. репрессии против видных деятелей ВКП(б), Советов, профсоюзов, комсомола, армии, рядовых труженников первоначально прошли по крупным центрам страны.

Выполняя директивы, партийные комитеты новгородских районов области после каждого крупного московского процесса организовывали собрания и митинги, участники которых клеймили позором «презренную банду наемных убийц, шпионов, диверсантов и вредителей», требовали «расстрела гадов всех до единого». Резолюции, принимавшиеся от имени коллективов и публиковавшиеся в районных газетах, удивительно единообразны. На политзанятиях изучались «формы и методы работы иностранных разведок» и троцкистов «как агентов фашизма». Из библиотек и магазинов изымали книги осужденных «контрреволюционеров», из редакций газет — негативы фотографий «врагов народа».² Общественное мнение оказалось настолько извращено и оболванено массивным идеологическим давлением, что большинство людей искренне верили в виновность представших перед судом, не сомневались, что все трудное в их жизни — дело рук врагов народа. Проходили дни, и многие из участников собраний и митингов сами оказывались в числе «презренных бандитов и убийц».

До 1937 г. массовые репрессии обходили новгородские районы области, хотя счет арестованным велся уже десятками. Райотделы НКВД занимались в основном «бывшими». Так, только в Боровичском районе к ним относили 59 бывших членов партий меньшевиков и эсеров, 45 бывших офицеров, 187 бывших помещиков и кулаков. Остальные 283 состоявших на спецучете человека составляли «прочий антисоветский и контрреволюционный элемент».³ Подлежали аресту бывшие члены мелкобуржуазных партий, давно отошедшие от политической деятельности. Стали опасными даже родственные связи с ними.⁴ После московских процессов в самую опасную категорию попали троцкисты и зиновьевцы, т. е. те, кто в пору партийных дискуссий 1920-х гг. разде-

² ПАНО, ф. 85, оп. 1, д. 319, л. 64; д. 331, л. 47; д. 333, л. 4; ф. 147, оп. 1, д. 7, л. 135; ф. 176, оп. 1, д. 755, л. 12—13; ф. 184, оп. 1, д. 49, л. 52.

³ Там же, ф. 117, оп. 1, д. 4, л. 95.

⁴ Там же, ф. 135, оп. 1, д. 376, л. 120; ф. 163, оп. 1, д. 108, л. 39.

лял взгляды Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева.⁵ Режим личной власти не оставлял в рядах партии и на свободе бывших идейных противников, возможных соперников и тех, кто смел проявить инакомыслие. Исключения из ВКП (б) и аресты за связь с «оппозицией» происходили во всех новгородских районах области.

Прошедшие в мае 1937 г. районные партийные конференции определили задачи коммунистов. Тон выступлений был спокойный, о вредительстве речь шла в отдельных выступлениях, в принятых резолюциях содержался один пункт о повышении бдительности. Более конкретный характер носили закрытые сообщения райотделов НКВД в райкомы партии. В них приводились многочисленные, зачастую вопиющие факты бесхозяйственности и безобразий на предприятиях промышленности, транспорта, в совхозах, колхозах и учреждениях. Однако тогда их не связывали с наличием организованных вредительских и иных антисоветских групп.⁶

В феврале — марте 1937 г. состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором Сталин повторил тезис, будто бы по мере продвижения Советского Союза по пути социализма классовая борьба будет все более и более обостряться. Это глубоко ошибочное теоретическое положение стало фактическим призывом и обоснованием массовой бойни, развернутой приспешниками вождя по всей стране.

Летом 1937 г. репрессии, по-настоящему массовые, захлестнули и новгородские районы. Начался планомерный разгром руководящего ядра районных партийных комитетов и исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся. Начало было положено в Боровичах и Старой Руссе.

Днем 27 июля члены Боровичского райкома ВКП(б) были экстренно созваны на внеочередной пленум. Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) П. И. Смородин доложил о вскрытых фактах «вредительской работы» в Боровичах и районе, проводившейся под руководством первого секретаря райкома партии Г. Ф. Белякова и председателя райисполкома М. К. Кузьмина. Выступившие вслед участники пленума все районные беды связывали с происками «вредителей». «Враги», вешали выступавшие, стремились подорвать сельское хозяйство и вводили заведомо неправильные севообороты, создавали бескормицу в жи-

⁵Там же, ф. 85, оп. 1, д. 334, л. 19; ф. 112, оп. 1, д. 58, л. 32; ф. 147, оп. 1, д. 8, л. 90—91; ф. 180, оп. 1, д. 128, л. 58; ф. 188, оп. 1, д. 322, л. 10, 15; д. 324, л. 62—66, 71.

⁶Там же, ф. 112, оп. 1, д. 58, л. 18; ф. 120, оп. 1, д. 174, л. 1—98; ф. 147, оп. 1, д. 4, л. 86; ф. 186, оп. 1, д. 55, л. 3.

вотноводстве, привозили в МТС запчасти перед самой посевной, скверно производили ремонт техники. Вредительство виделось в том, что колхозный трудодень в районе «худел» на глазах. Если в 1934 г. на трудодень выдавали 2,8 кг зерна, в 1935—2 кг, то в 1936 г.—только 1,27 кг. На «врагов» сваливался страшный провал политики форсированной коллективизации сельского хозяйства.

Из-за происков «врагов» не использовались средства на расширение выпуска огнеупорных изделий на комбинате «Красный керамик», в торговле систематически отсутствовали товары первой необходимости, с перебоями выходила газета. Некоторые выступления стали неприкрытыми доносами. Называли фамилии районных работников, у которых родители имели когда-то торговлю или были лишены избирательных прав. Особенно зловеще звучали сообщения, что такой-то состоит в родственных отношениях либо поддерживает дружбу с бывшими сторонниками Троцкого или Зиновьева. Прозвучали фамилии заведующих земельным и финансовым отделами райисполкома Е. С. Воробьева и М. М. Черниша, директора комбината «Красный керамик» П. Г. Абраменко, председателя Боровичского горисполкома М. А. Оконечникова, заведующего горкомхозом С. Н. Бельямина.

Заседавший два дня пленум Боровичского райкома ВКП(б) постановил исключить из партии «как врагов народа» Г. Ф. Белякова и М. К. Кузьмина, поручил бюро рассмотреть вопрос о причастности к вредительской деятельности руководителей, чьи фамилии прозвучали на пленуме, проверить состав редакции газеты «Красная искра» и прокуратуры, чтобы «до конца выкорчевать врагов народа и двурушников».

В последующие полмесяца состоялись три заседания бюро и пленум Боровичского райкома ВКП(б). Упомянутые на июльском пленуме коммунисты были исключены из партии и сняты с занимаемых постов. Их судьба была предрешена. От арестованных пошли широкие круги. Бюро райкома ВКП(б) в августе—сентябре 1937 г. за участие в «контрреволюционной вредительской организации» и связь с Беляковым и Кузьминым исключило из партии директоров МТС И. Н. Могозова и В. И. Малышева, директоров совхозов В. А. Саморукова и Н. В. Богданова, председателей сельсоветов А. М. Налетова, М. Г. Григорьева, А. Я. Харечкина, П. Н. Батурина, А. П. Быстрова, Г. П. Карасева, И. П. Белых, начальника дорожного участка Г. А. Лебедева, директора леспромхоза В. И. Кожевникова, бригадира совхоза А. И. Моисеева и других коммунистов. Почти всех исключали из партии заочно: они уже находились в городской тюрьме. Президиум Боровичского райисполкома послушно принимал ре-

шения о лишении председателей сельских Советов депутатских мандатов. Бюро рассмотрело «дело» прокурора района З. А. Бельского, который распорядился прекратить следствие в отношении нескольких арестованных за связь с «врагами народа». С бюро бывший прокурор ушел без партийного билета. Меньше чем за год Боровичская районная организация ВКП(б) потеряла 92 коммуниста.⁷

Страшен массовый психоз, охвативший страну. Если можно как-то понять людей, подписавших фальсифицированные показания под пытками, то как понять тех, кто, именуя себя коммунистами, стремился с трибун пленумов партийных комитетов назвать как можно больше имен знакомых им людей с обвинениями во вредительстве, шпионаже, участии в антисоветских организациях и заговорах?

В тот же день, что и в Боровичах, 27 июля 1937 г., состоялся внеочередной пленум Старорусского райкома ВКП(б). Как «вредители, шпионы, диверсанты, правотроцкистские бандиты» были исключены из партии секретарь райкома ВКП(б) И. С. Васильев, председатель райисполкома А. М. Кузьмин, заведующий земельным отделом райисполкома П. А. Тарабунин, председатель горсовета В. Ф. Сивков, директор Старорусской МТС А. М. Каншин. Такой же набор должностей, что и в Боровичах.

И так же от арестованных пошли широкие круги. На пленумах райкома ВКП(б) 21 и 25 августа, на заседаниях бюро 30 августа и 7 сентября за «контрреволюционную деятельность» были исключены из партии 22 коммуниста и за «связь с врагами народа» — 12 коммунистов. Из 21 члена Старорусского райкома ВКП(б) восемь оказались «шпионами и диверсантами». В 1937 г. Старорусская районная парторганизация потеряла 77 человек.⁸

Организации «врагов народа» обнаружили и в других районах области. В Новгороде «контрреволюционеры» возглавляли первый секретарь райкома ВКП(б) С. С. Самохвалов, председатель райисполкома А. Г. Бригадный и их ближайšie сотрудники. Как водилось, пленум райкома одобрил «решительные меры, принятые органами НКВД к разоблачению и ликвидации вредительства врагов народа» и обязал все партийные организации и всех коммунистов «оказывать органам НКВД полное содействие в выполнении ими ответственных задач по выкорчевыванию остатков этой банды вредителей». За несколько ме-

⁷Там же, ф. 147, оп. 1, д. 6, л. 18—24, 31—32; д. 7, л. 136; д. 8, л. 84—85, 88—91, 103—104, 112, 123; д. 18, л. 47; ГАНО, ф. 803, оп. 5, д. 3, л. 2.

⁸ПАНО, ф. 120, оп. 1, д. 179, л. 19, 25; д. 192, л. 1—23; д. 219, л. 62—63.

сяцев были исключены из партии 144 коммуниста и многие из них арестованы. В Валдае группу «врагов народа» возглавлял первый секретарь райкома ВКП(б) И. К. Никитин, в Крестцах — первый секретарь райкома партии В. А. Троицкий и председатель райисполкома А. П. Взглядов, в Сольцах — секретари райкома ВКП(б) М. Ф. Самойлович и Г. Н. Лавров и председатель райисполкома И. Я. Возжаев, в Окуловке — первый секретарь райкома партии М. А. Вейсман, в Хвойной — первый секретарь райкома ВКП(б) П. Д. Данилов и т. д.⁹ Ответственные партийные и советские работники «руководили» «подпольными контрреволюционными группами» и в других новгородских районах.

Еще одно немаловажное обстоятельство. Пленумы партийных комитетов новгородских районов были собраны в одно время: 27 июля — в Боровичах и Старой Руссе, 29 июля — в Крестцах, 4 августа — в Хвойной, 9 августа — в Новгороде, 13 августа в Валдае, 15 августа — в Окуловке. Всего за две недели в каждом районе вскрыли гнойник «шпионов, диверсантов и вредителей». Это не случайное совпадение. Разгром новгородских райкомов ВКП(б) был проведен по указанию сверху. Прямую вину за уничтожение руководящих партийных и советских кадров несут первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданов и его приспешники. Многие партийные работники сыграли роль пешек в развернувшейся чистке. Сначала они страстно боролись с «врагами народа», потом им самим вменялось в вину «руководство контрреволюционными организациями», «пособничество агентам фашизма» и пр.¹⁰ Система сталинизма сознательно стремилась связать кровавой поручкой людей, составлявших ее «винтики» и «приводные механизмы», запятнать и скомпрометировать их. Слепая вера в Сталина привела к трагедии многих людей.

За участие в «контрреволюционных организациях», руководившихся арестованными «врагами народа», были репрессированы десятки работников районного звена и специалистов. В их числе заведующий финансовым отделом Старорусского райисполкома Я. Я. Виндэ и директор электростанции А. П. Витолин, вступившие в партию в годы гражданской войны, заведующий земельным отделом Крестецкого райисполкома А. П. Мазин, председатель Новгородского горисполкома Н. А. Конкин, редак-

⁹Там же, ф. 85, оп. 1, д. 334, л. 71, 84; ф. 105, оп. 1, д. 133, л. 49; ф. 135, оп. 1, д. 373, л. 20—21; д. 375, л. 9, 17, 91; д. 387, л. 77; оп. 2, д. 497, л. 21; д. 950, л. 20; ф. 173, оп. 1, д. 341, л. 78; ф. 184, оп. 1, д. 49, л. 125; ф. 186, оп. 1, д. 56, л. 12—22; ф. 188, оп. 1, д. 362, л. 3, 18.

¹⁰Там же, ф. 180, оп. 1, д. 128, л. 41; д. 129, л. 1—7.

тор залучской районной газеты «Новый путь» Г. М. Беланов, начальник райотдела НКВД Л. Ф. Федоров, секретарь Маловишерского райкома ВЛКСМ Иван Упман, начальник политотдела станции Хвойная А. М. Якубович и многие другие.¹¹

«Пособников врагов народа» списками исключали из партии и лишали депутатских мандатов. Только в Новгороде за связь с Самохваловым и Бригадным к ответственности были привлечены девять членов бюро райкома ВКП(б). В Крестцах в результате репрессии был уничтожен практически весь состав районного комитета партии и обком пошел на беспрецедентный шаг: 11 ноября 1937 г. было создано внеочередное отчетно-выборное собрание районной парторганизации. Отчитываться, правда, можно было только по одному пункту — сколько «врагов народа» разоблачено в районе. На освободившиеся места выдвинули 82 человека.¹² Тяжелейшие потери понесли другие районные партийные организации.

Типичным делом специалистов, связанных с «врагами народа», является дело новгородских водников. Летом 1937 г. были арестованы начальник Новгородской пристани Северо-Западного речного пароходства И. Г. Дорошенко, старший диспетчер Б. А. Панин, начальник коммерческой части Н. Н. Писарев и директор Новгородской сплавной конторы П. И. Бенедиктов. Их обвинили во вхождении в «японо-германско-гроцкистскую вредительскую контрреволюционную организацию» (!), возглавляющуюся руководителями пароходства Шейбуховым и Медведевым. Через несколько дней арестовали еще четверых: старшего агента эксплуатации пристани Д. А. Егорова, директора Заильменской сплавной конторы М. Н. Турбасова, заместителя директора Новгородской сплавконторы М. В. Алексеева и заведующего запанью этой конторы В. А. Бочкова. Сотрудникам транспортного отдела областного управления НКВД не терпелось создать крупное, громкое дело. Его поручили следователю Александрову.

На допросах дрогнул самый молодой — Б. А. Панин. Он дал признательные показания и подписал все документы. Остальные арестованные держались мужественно, категорически отрицали предъявленные им вздорные обвинения во вредительстве и участии в мифической организации. Но обработанные следователем свидетели и фальсифицированные документы «подтвердили» ви-

¹¹ПАНО, ф. 105, оп. 1, д. 133, л. 49; ф. 112, оп. 1, д. 86, л. 1—5; ф. 120, оп. 1, д. 179, л. 46, 48; ф. 135, оп. 1, д. 375, л. 9, 17; ф. 180, оп. 1, д. 128, л. 133, 173; ф. 184, оп. 1, д. 49, л. 132; ф. 186, оп. 1, д. 58, л. 88.

¹²Там же, ф. 105, оп. 1, д. 119, л. 2, 6; ф. 135, оп. 1, д. 375, л. 91; ГАНО, ф. 138, оп. 1, д. 1182, л. 2.

ну руководителей и специалистов пристани и сплавконтор. Как можно отрицать, что какой-то пароход действительно сел на мель или внезапно поднявшийся ветер разметал плоты по озеру Ильмень? Следовательно всенил арестованным участие в антисоветской организации, проведение диверсий, разрушение пароходов, искусственное создание аварий, организованный срыв плановых заданий по перевозкам и сплаву древесины.

15 ноября 1937 г. дело рассмотрела особая тройка управления НКВД. Дорошенко, Писарев, Панин и Бенедиктов были приговорены к расстрелу, остальные — к 10 годам заключения в лагере каждый. Только после XX съезда КПСС Новгородский областной суд отменил постановление тройки за отсутствием состава преступления, а бюро обкома КПСС восстановило И. Г. Дорошенко в рядах партии, с сохранением партийного стажа с 1919 г. — посмертно.¹³

Аресты проводились по самым надуманным поводам. Так, заведующий Старорусским роно Н. П. Охонский был исключен из партии за «засорение школ враждебными Советской власти элементами», когда выяснили, что директором и завучем в школе города работали бывшие прапорщики времен первой мировой войны Вишняков и Дорожкин. В Батецком районе был арестован как агент японской разведки рабочий электростанции Чурсин; единственным «доказательством» его подрывной деятельности стали непроверенные сведения, что он имеет сестер «замужем за иностранцами в Харбине». Бюро райкома исключило из членов ВКП(б) директора станции И. М. Михайлова, который допустил, что в его подчинении работал «агент японского генштаба». Чуть позже Михайлова обвинили уже в том, что он «помогал собирать сведения» Чурсину.¹⁴

Определенные сведения о числе жертв сталинских репрессий содержат данные о численном составе коммунистов. На 1 января 1933 г. в парторганизациях новгородских районов Ленинградской области состояли на учете 15289 членов и кандидатов в члены ВКП(б). В результате массовой чистки, последовавших затем проверки и обмена партийных документов и репрессий общее число коммунистов-новгородцев на 1 января 1938 г. сократилось вдвое и составило лишь 7265 человек.¹⁵ Новгородские партийные организации восстановили количественный состав

¹³Северо-Западный водник. 1937. 4, 16 июля: ПАНО, ф. 135, оп. 2, д. 609, л. 19, 27—29, 31; ГЛНО, ф. 3701, оп. 14, д. 55, л. 16—23.

¹⁴ПАНО, ф. 120, оп. 1, д. 179, л. 45; ф. 184, оп. 1, д. 49, л. 78—79.

¹⁵Новгородская организация КПСС в цифрах. 1917—1979: Статистический сборник. Л., 1981. С. 48.

благодаря усиленному приему только к началу Великой Отечественной войны.

Если в 1935 — 1937 гг. сталинский режим стремился покончить со своими действительными или мнимыми противниками и всеми инакомыслящими в партии и государственном аппарате, то в 1937 — 1938 гг. массовые репрессии обрушились на людей, никогда ни в каких партиях не состоявших, не голосовавших ни за какие платформы. Террор и насилие достигли высшей точки. Уничтожение массы рабочих, колхозников и интеллигенции, основы страны, ее кормильцев и защитников — главное преступление Сталина и его клики.

Острые удары органов НКВД было направлено внутрь страны. С сентября 1937 г. чрезвычайный закон сомнительного правового содержания от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов» стал распространяться на диверсантов и вредителей; максимальный срок лишения свободы увеличивался с 10 до 25 лет. Теоретически обосновывая репрессии, Генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский нацеливал работников НКВД на получение от арестованных признательных показаний любой ценой. Улики, вещественные доказательства, презумпция невиновности объявлялись «родимыми пятнами» буржуазного судопроизводства. Господствующим стал административно-командный стиль руководства, неприкрытое пренебрежение к законности. Работники органов НКВД предпочитали заводить «групповые» дела, что позволяло им показать свою проникательность и активность в искоренении контрреволюции, «подтверждало» тезис Сталина об обострении классовой борьбы по мере продвижения страны по пути социализма.

Районные отделы НКВД активно «раскрывали» одну за другой «подпольные контрреволюционные группировки». Только за несколько месяцев 1937 г. сотрудники Старорусского райотдела НКВД арестовали более ста «агентов фашизма» на фанерном комбинате № 4, которые постоянно только тем якобы и занимались, что портили машины, взрывали котлы, поставляли некачественную древесину и т. д. Столько же людей были схвачены в сплавной конторе. На станции забрали 53 железнодорожника. За это же время были ликвидированы две «террористические группы» в самом городе, а также «контрреволюционные группы повстанческого характера» в Виленском, Сусловском, Астриловском и Дретенском сельсоветах. В Нагатинском сельсовете «повстанческую группу» из 13 человек «возглавлял» священник Марфинской церкви Борисов. В случае нападения империалист-

тов на СССР крестьянские группы будто бы должны были поднять вооруженное восстание.¹⁶

Подобные группы стали наиболее частыми по категории «дел» в аграрных новгородских районах. Типичной в таком представлении являлась группа из 39 человек, охватившая «действиями» Батецкий и Уторгошский районы. В организацию «входили» колхозники артелей «12 лет Октября», «Любуницы», «Новый быт» и «Красный путь», а «во главе стояли» учителя А. П. Яковлев, И. С. Семенов, П. С. Савельев, В. Д. Баличев и П. Г. Старшин. Доказательства базировались на неконкретных показаниях свидетелей и самих обвиняемых. В материалах следствия отсутствуют достоверные факты антисоветской работы членов группы, не вскрыты принципы ее организации и связи между участниками, показания записаны в общих формулировках о подрывной деятельности, т. е. следствие не доказало факта существования самой «контрреволюционной повстанческой организации». И тем не менее по постановлению особой тройки все 39 «повстанцев» были расстреляны в марте 1938 г.¹⁷

Какое разделение труда и сфер действия контрреволюционеров! В городах и поселках орудовали, по мнению сотрудников НКВД, «террористы» и «контрреволюционные агитаторы». В селах собирали оружие будущие «повстанцы». Подобные группы и организации были обнаружены и ликвидированы во всех районах. За «участие» в них осудили сотни рабочих, колхозников и служащих.

Если к искусственно создаваемым группам применяли определение «террористических» и «повстанческих», то одиночек осуждали, как правило, за «антисоветскую агитацию». Следствие по таким делам проводилось очень быстро. Весной 1938 г. особая тройка приговорила к высшей мере наказания 65-летнего возчика Новгородского черепичного завода Ф. А. Афанасьева и рабочего Крестецкого сеного пункта 62-летнего Н. И. Баландина. Двух свидетелей оказалось вполне достаточно по каждому случаю.¹⁸

Опасных классовых и идеологических противников во время ежовщины увидели в священнослужителях и обрушили на них меч репрессий. К высшей мере наказания были осуждены священники всех семи действовавших церковей Залучского района, составлявшие, по мнению следствия, «контрреволюционную группу церковников». Вся «вина» их состояла в том, что, собираясь в дни религиозных праздников друг у друга, они выражали

¹⁶ПАНО, ф. 120, оп. 1, д. 200, л. 25—26, 32, 36.

¹⁷ПАНО, ф. 3701, оп. 14, д. 48, л. 51—64.

¹⁸Там же, ф. 3701, оп. 14, д. 47, л. 289—292; д. 48, л. 284—287.

недовольство закрытием храмов и преследованием служителей.¹⁹ В числе расстрелянных оказался 70-летний священник Коровитчинской церкви П. В. Новорусский, брат народовольца М. В. Новорусского.

Репрессии выкосили нерусское население новгородских районов. С давних времен бок о бок с русскими селились выходцы из Эстонии и Латвии, составляя компактные этнические группы. С первых лет Советской власти в уездах стали действовать национальные школы и учреждения культуры, при губкоме РКП (б) были образованы национальные секции. В период же ежовщины они вдруг стали потенциальной базой иностранных разведок. Так, многонациональный коллектив железнодорожников станции Новгород состоял из квалифицированных рабочих. В 1937 г. коллектив был подвергнут сокрушительному погрому: сотрудники дорожно-транспортного отделения НКВД во главе с младшим лейтенантом госбезопасности В. И. Мосиным за несколько месяцев выявили восемь (!) «контрреволюционных диверсионных групп» латышских, финских, эстонских, польских и немецких «националистов». Людей хватали только по признаку национальности, без малейших компрометирующих материалов. По сфальсифицированным делам были арестованы 70 человек, 39 из них тройка приговорила к высшей мере наказания, двое умерли в тюрьме, остальных направили в лагеря на 10 лет каждого.

Если в 1937 г. чистка по национальному признаку прошла в основном по городам, то в 1938 г. она захватила и сельские новгородские районы. 7 октября постановлением особой тройки были осуждены к высшей мере наказания колхозники артели «Черная речка» и работники промкооперации из Батецкого района А. Э. Тейнбас, А. П. Вятсон, А. Я. Рудди и А. Я. Ребане, по национальности эстонцы, А. Я. Рейнгард, самый молодой по возрасту, получил 10 лет лагерей. Их обвинили в создании националистической группы и ведении антисоветской агитации, осудив по показаниям трех свидетелей и собственным признаниям арестованных. В 1955 г. по заявлению А. А. Тейнбас сотрудники областного управления КГБ и прокуратуры начали проверку. Был передопрощен А. Я. Рейнгард. Он показал, что ведший дело сотрудник отдела НКВД А. С. Хрисанфов «протоколы допроса составлял в мое отсутствие, а затем приносил их подписывать, хотя внесенные в них данные не соответствовали действительности». Отрицали антисоветскую агитацию со стороны осужденных свидетели, хорошо их помнившие, всего 12 опрошенных. В начале января 1956 г. прокуратура представила в Новгородский област-

¹⁹ Там же, д. 48, л. 419—427.

ной суд заключение по делу, и 16 января президиум облсуда вынес постановление об отмене решения особой тройки и прекращении дела «за отсутствием состава преступления».²⁰

«Дело Тейнбас и других» явилось первым реабилитационным делом, решенным президиумом Новгородского областного суда. В последующие годы было рассмотрено множество подобных дел. Однако с 1968 г. их пересмотр был резко приостановлен, и только в соответствии с Указом Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20 — 50-х годов» вновь вернулись к делам полувековой давности.

Практика искусственного создания «антисоветских организаций» и разоблачения «врагов народа» все шире захватывала органы НКВД. С размахом искореняли «контрреволюцию» начальник Старорусского оперсектора НКВД П. И. Малинин, начальники районных отделов В. Н. Глушанин, Г. Я. Бельдягин, А. Ф. Соколов, их подчиненные А. С. Хрисанфов, У. Ф. Глушнев, П. Ф. Захаров, П. М. Уткин, Сбруев, Серебров, Андреев и многие другие. Применявшиеся ими методы типичны для практики ежовщины.

Для фабрикации дел они широко использовали провокаторов, лжесвидетелей и так называемых штатных свидетелей, которые сочиняли доносы на указываемых им лиц, подписывали десятки заранее составленных протоколов. Особенно активно использовались проживавшие в Старой Руссе лица без определенных занятий Н. Виноградов и Н. Мокеев, колхозники И. Иванов и М. Савельев, завуч Большеборской семилетней школы П. Фарагин. Один из таких свидетелей позже показал прокурору: «Сотрудник РО НКВД оглашал мне уже заготовленные протоколы допросов от моего имени на разных лиц, и я эти протоколы подписывал. В протоколах приводились факты контрреволюционной деятельности, о которой мне совершенно ничего известно не было. Всего, я считаю, что подписал 10 или 13 заведомо ложных протоколов».

На свидетелей времени не теряли. Двух-трех, а то и одного сфальсифицированного свидетельского показания становилось достаточно, чтобы арестованный был осужден особой тройкой. Но требовались его признания в подготовке или совершении преступления и собственноручная подпись под протоколом. По Вышинскому, признание обвиняемым своей вины являлось «царицей доказательств». В обиходе сотрудников органов НКВД тогда процветал чисто профессиональный термин — «расколоть»

²⁰Там же, ф. 3701, оп. 14, д. 47, л. 1—6.

подследственного. «Раскалывали» увещеваниями, обещали минимальный срок наказания, направить в ссылку, а не в лагерь, грозили арестом родственников. Если это не помогало, моральное воздействие сменялось физическим. Несмотря на такие методы допросов (хотя они строжайше запрещались действовавшим законодательством), многие из арестованных категорически отказывались подписывать протоколы с признаниями и уличением других в совершении тяжких государственных преступлений.

К концу 1938 г. Ежов сделал свое дело. Страну на долгие годы парализовал страх. С сентября 1938 г. бразды правления Наркоматом внутренних дел сосредоточиваются в руках Л. П. Берии. Нужны были новые люди, которые продолжали бы крутить ручку кровавой мясорубки репрессий. Замена ни в коей мере не меняла сути сталинского режима. На смену одному преступнику пришел другой.

Сталин в очередной раз применил безотказный в его практике прием: во всех преступлениях 1937 — 1938 гг. был обвинен Ежов и его сотрудники. В ноябре — декабре 1938 г. в партийные комитеты, прокуратуры и отделы НКВД от районного звена и выше были направлены несколько документов. Эти директивы по сей день остаются неизвестными широкому кругу, а между тем их значение огромно для понимания подлинных причин трагических событий времен ежовщины.

14 ноября за подписью секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина в бюро партийных комитетов было направлено письмо о новых требованиях ЦК к учету, проверке и утверждению работников органов НКВД. В номенклатуру ЦК вошли руководящие работники органов НКВД от начальника городского и районного отделов. Оперативные работники местных аппаратов подлежали утверждению бюро соответствующего партийного комитета. Прием и увольнение этих лиц производились приказом органа НКВД и постановлением партийного комитета. ЦК обязал областные комитеты ВКП(б) в течение полутора месяцев провести полную проверку личного состава всех отделов НКВД, изучив материалы личных дел и побеседовав с каждым сотрудником. «В результате этой проверки, — ставилась задача, — органы НКВД должны быть очищены от всех враждебных людей, обманным путем проникших в органы НКВД, от лиц, не заслуживающих политического доверия». Директива обязывала первых секретарей обкомов партии систематически представлять в ЦК ВКП(б) докладные записки «о недостатках в работе органов НКВД и засоренности их чуждыми и враждебными людьми».²¹

²¹ПАНО, ф. 22, оп. 1, д. 334, л. 2—4.

Думается, что в данном случае налицо стремление Сталина сравнить два могущественных аппарата, создать условия для взаимной слежки друг за другом, полностью взять под контроль назначения и перемещения руководящих кадров органов НКВД в центре и на местах.

17 ноября 1938 г. в партийные комитеты, отделы НКВД и прокуратуру была направлена новая директива за подписями И. В. Сталина и В. М. Молотова. Они высоко оценили репрессии: «За 1937 — 1938 гг. под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников, представлявших из себя серьезную опору иностранных разведок в СССР и в особенности разведок Японии, Германии, Польши, Англии и Франции». НКВД «очистил» страну от диверсантов и иностранной агентуры, переброшенной под видом «так называемых политэмигрантов и персбежчиков» из немцев, поляков, финнов, уроженцев Прибалтийских республик, отмечалось в документе. Однако, писали Сталин и Молотов, «массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов» в 1937 — 1938 гг. при упрощенном ведении следствия и судопроизводства привели к ряду «крупнейших недостатков и извращений». Вину за нарушения социалистической законности авторы директивы возложили на сотрудников Ежова, в большинстве «оказавшихся врагами народа и шпионами», специально пробравшимися в органы НКВД и проводившими необоснованные аресты: «Они сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей, а в то же время принимали все меры к тому, чтобы укрыть и спасти от разгрома своих соучастников по преступной антисоветской деятельности». Директива предписывала запретить «производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению», вести аресты только с санкции прокурора, обязывала следствие строго соблюдать требования УПК.²²

Объявленные меры по соблюдению законности оставались фикцией, так как отрицались добавлениями в самой директиве. Так, особые тройки управлений НКВД краев и областей подле-

²²Там же, ф. 22, оп. 1, д. 334, л. 21—22.

жали ликвидации и решение всех дел надлежало вести обычным судебным порядком. Но был реорганизован внесудебный орган подавления — при НКВД стало действовать Особое совещание для рассмотрения дел наиболее важных государственных преступников с расширенными карательными полномочиями». Назначение следственных работников в центре и на местах проводилось только по приказу наркома внутренних дел и тем самым сохранялся верховный контроль за работой этого важнейшего участка.

1 декабря за теми же двумя подписями была направлена директива о порядке согласования арестов специалистов народного хозяйства и членов ВКП(б) с соответствующими наркоматами и первыми секретарями партийных комитетов по санкциям прокуроров.²³ Эта директива также являлась чисто формальной: и во времена ежовщины аресты велись исключительно с одобрения прокуратуры, и судьбы коммунистов сначала решались партийными бюро и пленумами.

За «фальсификацию следственных материалов» многие работники органов НКВД времен ежовщины были осуждены. В их числе все названные в статье лица. Стремясь показать, что с террором покончено, новый нарком внутренних дел распорядился освободить часть арестованных. В числе освобожденных были и новгородцы. В основном это были люди, обвинения которых не выдерживали никакой проверки, настолько они были абсурдными, или те, кто не подписал признательных показаний, а другими материалами следствие не располагало.

Заведенные же ранее дела продолжали разрабатываться и заводили новые. Уже в 1939 г. Особое совещание НКВД отправило в лагеря секретаря Новгородского райкома ВКП(б) Ф. С. Сафронова, коммерческого директора Старорусского лесо завода А. П. Смирнова, директора Боровичского комбината «Красный керамик» П. Г. Абраменко, арестованного в июле 1937 г. и др.²⁴ И все же число репрессированных заметно снизилось. Начавшиеся в декабре 1934 г. массовые репрессии по новому сигналу из центра прекратились в ноябре 1938 г. Страшный период ежовщины завершился, но не изменилась суть антинародного сталинского режима.

Предстоит дать ответы еще на многие вопросы, связанные с происхождением и сутью преступного сталинского режима. И это будет сделано. О числе жертв режима только во времена ежовщины можно судить по обобщающим данным управления

²³ Там же, л. 20.

²⁴ ГАНУ, ф. 3701, оп. 14, д. 48, л. 211—215; д. 54, л. 223—225.

НКВД по Новгородской области, подготовленным в декабре 1945 г. В справке отмечено: «В 1937 — 1938 гг. репрессировано свыше 10 тыс. контрреволюционного и антисоветского элемента».²⁵ Эти данные следует считать минимальными. Необходимо восстановить имена безвинно погибших, полностью исследовать трагические события 1937 — 1938 гг. на новгородской земле. Память о жертвах репрессий останется в народе навсегда как в сердцах, так и в монументах и мемориалах, предупреждая, что эта трагедия не должна повториться.

²⁵Архив УВД Новгородского облисполкома, ф. 80, оп. 1, д. 4, л. 2.